

Содержание

<i>Без победителей и проигравших.....</i>	<i>7</i>
Протоиерей Игорь Фомин и Алексей Кортнев <i>Кто вдунул в нас совесть.....</i>	<i>12</i>
Священник Павел Островский и Отар Кушанашвили <i>«Я не верю в Бога, но мне Его не хватает».....</i>	<i>30</i>
Протоиерей Максим Козлов и Владимир Познер <i>Я скажу Всевышнему: «Как вам не стыдно?»</i>	<i>50</i>
Андрей Чижов и Алексей Столяров (пранкер Лексус) <i>Что делать, когда хочется соврать.....</i>	<i>74</i>
Иеромонах Димитрий (Першин) и Владимир Бортко <i>Зачем Мастеру Маргарита.....</i>	<i>92</i>
Священник Павел Островский и Мария Арбатова <i>Хотят ли женщины мыть полы.....</i>	<i>112</i>
Валерий Духанин и Юрий Назаров <i>«Я не безбожник, я материалист»</i>	<i>132</i>
Протоиерей Александр Абрамов и Анатолий Вассерман <i>Вмещается ли наука в религиозную сетку?.....</i>	<i>144</i>

Митрополит Феофан и Алексей Кравецкий	
<i>Готов ли ты к эксперименту?</i>	162
Священник Павел Островский и Виктор Набутов	
<i>Два процента с третьим измерением</i>	178
Сергей Худиев и Андрей Баранов	
<i>Зачем искать полюс добра</i>	198
Протоиерей Андрей Ткачёв и футуролог Данила Медведев	
<i>Трансрелигия для трансчеловека</i>	220
Монахиня София (Ищенко) и координатор «Общества скептиков» Екатерина Зверева	
<i>«У меня нет души»</i>	244
Священник Павел Островский и Александр Сёмин	
<i>Покемоны в храме, или Почему молчит Церковь</i>	262
Митрополит Иларион (Алфеев) и Виталий Третьяков	
<i>СМИ как способ соревнования с Богом</i>	278

Без победителей и проигравших

«Если бы существовал телеканал „Атеист-ТВ“, там вряд ли запустили бы программу „Верю! Разговор с христианином“, — заметил один из гостей программы «Не верю! Разговор с атеистом» на православном телеканале «Спас».

Книгу, которую вы держите в руках, составляют стенограммы нескольких выпусков программы «Не верю!». Самой собой, стенограммы эти претерпели литературное редактирование — настолько, насколько это необходимо при переводе устной речи в письменную, — сохранив при этом спонтанность живого телевизионного разговора.

Книга состоит из пятнадцати бесед (выпусков программы, конечно же, намного больше). Самая ранняя из них вышла в эфире «Спаса» в октябре 2017 года. Самая поздняя — в июне 2018-го. Это — первые девять месяцев жизни проекта. Время становления программы — поиск тональности разговора, поиск нужной драматургии, поиск точек соприкосновения верующего и неверующего: на обсуждении каких проблем могут сойтись два человека противоположных мировоззрений. Существование Бога и существование в мире зла, наука и религия, вера как личный акт и Церковь как институт... А часто в разговоре — не спор о вере и неверии как таковых, но — темы социальные: аборты, эвтаназия, школьное образование, благотворительность... Попытка увидеть, как на одну и ту же проблему с разных колоколен смотрят христианин и атеист. Если не ошибаюсь, такая программа — первый подобный опыт на отечественном телевидении.

У Честертона в романе «Шар и крест» речь идет о дуэли христианина и атеиста, которую все никак не удастся начать,

потому что на протяжении всей книги за героями гонится полиция. Почему гонится? Потому, что сама возможность дуэли за мировоззрение — неприемлема, недопустима. Дескать, нашли из-за чего спорить — всего лишь какие-то личные убеждения. В современном-то обществе... А в одном эссе тот же Честертон напишет: «Теперь считают, что узко или хотя бы невежливо нападать на чью-то веру или нравственную систему. Само это мнение грешит узостью. Разница во взглядах на парламент важна; разница во взглядах на мир почему-то безразлична. Мы вправе спорить с человеком, который в другой партии, и не вправе спорить с тем, кто в другом мироздании. Поистине, это узко. Поистине, мы считаем, что важно все, кроме этого. От веры нельзя отмахнуться, ибо она включает все на свете».

Эту фразу я бы взял эпиграфом ко всему проекту «Не верю!». С одним лишь уточнением: здесь говорится «*нападать* на чью-то веру или нравственную систему». В нашей программе — не нападают. Во всяком случае, я надеюсь, что это так, что это чувствует зритель и почувствует читатель. Я смущаюсь, когда слышу от коллег или встречаю в комментариях фразу: «Кто в этом выпуске победил?» Никто не победил, потому что это не соревнование и уж тем более не война. А вот кто оказался более убедительным — «Кто в этом выпуске *убедил?*», — каждый зритель и читатель решает для себя сам.

Беседы христианина и атеиста имеют свою историю, если не сказать — традицию. Можно вспомнить беседы митрополита Антония Сурожского с Марганитой Ласки или Анатолием Гольдбергом на радио «Би-Би-Си». Можно вспомнить переписку Умберто Эко с кардиналом Карло Мария Мартини, ставшую книгой «Диалоги о вере и неверии». Мы надеемся, что книга «Не верю!» продолжит эту традицию честных, глубоких и уважительных споров о вере, в которой участники — не оппоненты, а собеседники.

Едва ли кто-то всерьез рассчитывает, что после такой беседы христианин уйдет разуверившимся или атеист — уверовавшим. Но поставить себе вопросы о своей вере — с помощью

несогласного с тобой собеседника, испытать на прочность свое мировоззрение, не отказываясь от него, и через это в своей вере возрасти и укрепиться — таковы, быть может, цель и смысл этих программ и этой книги. Для верующего человека.

А для неверующего?

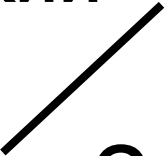
В одной телепередаче меня спросили: «Есть ли что-то, что может по-настоящему убедить неверующего — поверить?» Думаю, есть. Только не что-то, а Кто-то.

Бог.

Сам.

*Константин Мацан,
ведущий программы
«Не верю! Разговор с атеистом»
на телеканале «Спас»*

Священник Павел Островский

Отар
Кушанашвили

Когда ты пережил смерть близкого человека, возгоревал и возопил, как Иов на гноище, — но тебя не утешили, ничего не объяснили, а оттолкнули или строго выговорили... Станешь ты ближе к Богу? Вопрос вопросов! О неприятии и дружелюбии, о потерях и приобретениях беседуют священник Павел Островский и музыкальный журналист, телеведущий Отар Кушанашвили.

«Я не верю в Бога, но мне Его не хватает»

Ведущий Константин Мацан: Отар, вы перед началом беседы упомянули, что пришли сюда поразмышлять над вопросами, которые вас волнуют. Какой вопрос стоит для вас наиболее остро?

Отар Кушанашвили: «Размышлять» — очень точное слово. Когда мы обсуждали предстоящую беседу, я, наверное, показался человеком с окончательно оформившимися взглядами. Но это вовсе не так, просто я часто реагирую категорично, так как сверхэмоционален и сверхимпульсивен. Я хотел бы сделать слово «размышлять» ключевым для нашего разговора. Печальные события в моей жизни: смерти близких людей, в частности моей мамы — она умирала в Кутаиси в муках, — вину за которые я взял на себя, привели к тому, что я стал задавать себе вопросы: «Почему? За что люди уходят так больно, так тяжело, так внезапно?» Вы же знаете, что Грузия очень набожная страна, там на каждом шагу приветствуется богоискательство. Это не возведено в ранг государственной политики, но Патриарх там — очень уважаемый человек. Это человек, у которого априори должны быть все ответы на вопросы. Но мне его полномочные представители, я имею в виду священников, не ответили на вопрос, почему маме было так больно. А поскольку я человек рефлексирующий, я думаю об этом до сих пор, и на эти вопросы у меня до сих пор нет ответов.

А последней каплей стал уход из жизни молодой певицы Жанны Фриске. Мы были очень близки, дружили семьями. И на кладбище, на погосте, когда я попрощался с ней, я был так удручен, что начал приставать к людям с этим вопросом:

«За что?» Такая вот простительная, может быть, в этом контексте истеричность. Я бегал, кричал и спрашивал у вашего, отец Павел, коллеги: «Почему? Почему она лежит в гробу? Почему рак?» А он мне ответил: «Я этого вопроса боюсь больше всего. Думаю, что Бог забирает лучших». И я предложил этому священнику подойти к убивавшейся и не желавшей прощаться с дочерью маме: «Наберитесь мужества и повторите эти слова ей. Это же входит в круг вашей компетенции?» Но он не пошел.

Ведущий: Отец Павел, это христианский ответ?

Отар Кушанашвили: Это самая элементарная формулировка. Он имел право так мне ответить?

Священник Павел Островский: Знаете, никто не имеет права отвечать за Бога. Если бы у нас в Божественном Откровении было бы прямо написано, прямой речью Господа: «Я забираю лучших», мы могли бы так отвечать. Но об этом нигде не написано. Сам этот постулат, что Бог забирает лучших, неверен. По той причине, что, получается, худшие остаются. Но это не так. Кроме того, всем нам очевидно, что наш мир временный, все люди, так или иначе, живут лишь некоторое время. А время — дело такое, лукавое. Об этом говорил апостол Павел: «Дни наши лукавы» (см. Еф. 5: 15–16). Нам кажется, что их много, а на самом деле, может быть, совсем немного. Есть святоотеческое мнение, и я с ним согласен, что, возможно, Бог забирает человека в определенный, лучший для него душевный момент. Бог с какой позиции смотрит? «Я хочу, чтобы все пришли в познание истины». Господь всех ждет к Себе в Царство Небесное. И смотрит на человека не только здесь и сейчас, но как бы перпендикулярно, на весь отрезок его пути. Бывает так, что лучше сейчас, потому что дальше будет хуже. Или, быть может, сейчас человек находится на своем самом высоком духовном развитии, на самой высокой точке.

Отар Кушанашвили: А, понимаю, о чем речь, да.

Священник Павел Островский: У Бога воля Своя, а не наша. Свое разумение, а не наше. И поэтому приписывать Богу

какие-то наши человеческие качества и прогнозировать Его действия своей человеческой логикой не совсем верно. Много людей молились, чтобы Гитлер умер побыстрее. И если вспомнить детей, в Беслане пострадавших, их родители молились о том, чтобы дети выжили. Но не у всех родителей дети выжили. И те родители, у которых дети погибли, столкнулись с гигантской проблемой веры. Здесь я хочу напомнить замечательные слова приснопамятного священника Георгия Чистякова. У него был тяжелейший крест — он служил при детском онкологическом отделении. Он написал очень пронзительную статью, которую многим будет даже страшно читать, только сильные верой пусть читают. Статья называется «Нисхождение во ад», и там есть мысль о том, что легко верить в Бога, когда солнышко встает, роса на траве, а вот как верить в Бога у гроба ребенка... Здесь и проявляется вера. Верность всегда проходит испытания. Есть высочайшая планка, поставленная апостолом Иаковом: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1: 2–4). У меня в жизни тоже были скорби, у меня невеста умерла, но, наверное, мне было легче это перенести, чем Отару смерть своей мамы и смерть подруги. Просто потому, что мне был 21 год. Я сужу по себе, с возрастом жизнь переживается гораздо глубже, чем в 21 год.

Ведущий: Отар, судя по тому, что вы свой вопрос адресуете все-таки Богу, значит, в вашей системе мировоззрения Он есть?

Отар Кушанашвили: Конечно, в моей системе ценностей есть то, во что верят пятеро из моих восьми детей. Конечно, я думаю об этом. Конечно, я чувствую, что моя проблема — это проблема того, что я не встретил дружелюбного, хорошего человека, священника, умеющего складно отвечать на вопросы. Моя привередливость и экспрессивность, чуть ли не

**Протоиерей
Максим Козлов**

**Владимир
Познер**

Биолог и филолог, атеист и священник — два московских интеллигента ищут точки соприкосновения и неминуемо находят области разделения. Но разве люди не могут иметь разные точки зрения? Ведь это нормально! О цунами и клопах, жестокости Ветхого Завета и любви Завета Нового говорят журналист Владимир Познер и протоиерей Максим Козлов.

Я скажу Всевышнему: «Как вам не стыдно?»

Ведущий Константин Мацан: Понятие «атеист» и «агностик» принято разграничивать. Атеист утверждает, что Бога нет. Агностик говорит: «Я не знаю». Владимир Владимирович, вы называете себя атеистом, ваше убеждение основано на каком-то опыте?

Владимир Познер: Да, разумеется, я к этому пришел сам.

Ведущий: Как?

Владимир Познер: Это довольно длинная история. Я крещен в католической вере, да не где-нибудь, а в соборе Парижской Богоматери. Мои родители были неверующими... не то чтобы активными, просто неверующими, и никак на меня не влияли, не внушали ничего. Постепенно я сам стал интересоваться религией, читая Библию, Коран, — потому что меня, конечно же, интересовала и интересует роль религии и в искусстве, и в формировании государства. Потом я увлекся биологией, стал студентом биофака МГУ, довольно серьезно интересовался, кто мы такие, как мы устроены, и постепенно пришел к выводу, что учение, которое называется религией, лично у меня вызывает бесконечное количество вопросов. Каждый раз, когда я их задавал, мне не могли ничего объяснить и говорили: «Ну, понимаете, неисповедимы пути Господни» и так далее.

Ведущий: Какие это были вопросы, на которые вы не получали ответов?

Владимир Познер: Их было огромное количество! Возьмем, например, один. В Ветхом Завете рассказывается о том, как Арон, брат Моисея, послал своего брата к фараону потребовать, чтобы он освободил израильский народ. И фараон был склонен сказать «да», но Бог очерствил его сердце, и он